

кася между собой в середине. На остальной части поверхности оссуария белый ангоб отсутствует, но в некоторых местах заметны следы красного ангоба.

Заслуживает внимания небольшая длина оссуария, всего 35 см. Это обстоятельство, если учесть размеры бедренной кости человека, самой длинной из костей человеческого скелета, имеющей длину в среднем около 45 см, приводит нас к выводу, что оссуарий предназначался для хранения костей не взрослого человека, а ребенка. Может быть, в связи с этим оссуарию и была придана форма, несколько напоминающая детскую колыбель, подвешенную на веревках.

Этот оссуарий в настоящее время поступил на хранение в Музей краеведения Туркменского филиала Академии Наук СССР, находящийся в гор. Ашхабаде.

Рассмотренные нами оссуарии с городища Калалы Кыр I имеют некоторые черты сходства с другими оссуариями, найденными в низовьях Аму-Дарьи, как, например, наличие ножек, орнамент на глиняных оссуариях в виде валиков с насечками и др.

Вместе с тем сравнение оссуариев, найденных на городище Калалы Кыр I; с оссуариями из Ташкента и Самарканда показывает, что они существенно различаются между собой; таким образом, мы можем установить факт существования различных типов оссуариев и выделить оссуарии древнего Хорезма в особую группу.

Известен еще один тип оссуариев—оссуарии южноиранские, сходные по своему внешнему виду с хорезмийскими. К этому типу можно отнести оссуарии (один каменный и два глиняных), найденные в начале XIX в. в г. Бушире на берегу Персидского залива. Сведения об этих оссуариях сообщает К. Иностранцев в своих статьях, опубликованных в 1907 г.¹

Каменный оссуарий из Бушира имеет вид ящика длиной в 70 см, шириной в 35 см, высотой в 25 см, толщина его стенок около 2,5 см. Он изготовлен из цельного куска камня, покрыт крышкой также из цельного куска, на четырех стенках оссуария и на крышке имеются отверстия для прикрепления крышки к оссуарию. Этот оссуарий сходен с оссуарием № 1 с городища Калалы Кыр I, отличаясь от него только несколько большей длиной, отсутствием ножек и орнамента на крышке.

Глиняные оссуарии из Бушира, подобно глиняному оссуарию с городища Калалы Кыр I, имеют вид бочонка, но отличаются значительно большей длиной, так как они, очевидно, предназначались для хранения костей взрослого человека, а не ребенка. Длина этих оссуариев достигает 91,5 см, диаметр—26,5 см, толщина стенок 0,75—1,25 см, диаметр отверстия во внутренность оссуария—8,25 см. Орнамент на поверхности и ножки отсутствуют.

Приведенные данные подчеркивают взаимную близость южноиранских и хорезмийских оссуариев. Как в древнем Хорезме, так и в Южном Иране были в употреблении оссуарии двух видов: каменные в форме прямоугольного ящика и глиняные в форме бочонка.

Необходимо подвергнуть тщательному изучению оссуарии, найденные на территории древнего Хорезма, и выявить все характерные черты, свойственные этому типу оссуариев.

С. А. Вязигин

Археологические исследования в Бурят-Монголии в 1947 г.

Археологические исследования на территории Бурят-Монгольской АССР и в соседних с ней районах Восточной Сибири были начаты участниками великих русских экспедиций уже в первой половине XVIII ст. Они продолжались затем Кастреном, Давыдовым и другими исследователями. Большие работы в этой области были осуще-

¹ К. Иностранцев, Туркестанские оссуарии и астоданы. «Зап. Вост. отд. имп. Русск. Археолгич. о-ва», т. XVII (1907), стр. 0166—0171, «К изучению оссуариев, там же, т. XVIII, вып. 1 (1907), стр. 064—067.

ствлены в конце XIX ст. Талько-Грынцевичем на Селенге. Но наибольшие успехи в археологическом изучении территории БМАССР и смежных с ней районов Иркутской и Читинской областей, заселенных бурятами, были достигнуты только после Октябрьской революции, когда они получили невиданный размах и совершенно новое содержание, стали проводиться на основе передовой методологии и получили правильное идейное направление. Таковы работы Г. Ф. Дебеца, М. М. Герасимова, Г. П. Сергеева, А. П. Окладникова и, в особенности, двухлетние работы специальной археологической экспедиции Академии Наук СССР, работавшей под руководством Г. П. Сосновского в 1928 и 1929 гг.

Однако, несмотря на значительный археологический материал, собранный в результате перечисленных исследований, археологическая изученность даже и центральных районов республики остается далеко еще недостаточной и неполной. В ряде же районов ее до сих пор не производилось даже разведочных археологических исследований, хотя несомненно, что они могут дать много важных и интересных открытий.

Ряд больших и важных исторических и историко-культурных проблем, связанных с археологическими памятниками республики, остается до сих пор неразработанным или выясненным совершенно недостаточно.

Первая из этих проблем—о каменном веке, о палеолитических памятниках Бурят-Монгольской АССР. Изучение этих памятников должно ответить на вопрос о первоначальном заселении этой территории человеком и об отношении его культуры к культурам других областей Азии и Европы, а вместе с тем и о роли палеолитических культур Забайкалья и Прибайкалья в мировой истории того времени.

Вторая проблема—изучение многочисленных памятников зрелой неолитической культуры на территории республики, выяснение подлинного характера и распространения этих памятников, а также последовательности смены отдельных этапов неолитической культуры. С этим связаны такие важные вопросы, как проблема происхождения скотоводческой культуры в Северной Азии.

Третья проблема—изучение памятников бронзового века, широко распространенных в Бурят-Монголии. Оно должно показать особо важное значение местных племен бронзового века в связях, имевших место более двух тысяч лет назад между древним Китаем, с одной стороны, Сибирью и Европой—с другой («карасукские» памятники Забайкалья и их отношение к одновременным памятникам южной Сибири и к памятникам раннединастического Китая, «скифские» памятники Бурят-Монголии и памятники эпохи Чжоу в Китае, скифские памятники Сибири и Восточной Европы).

Четвертая проблема связана с изучением памятников гуннского времени, в том числе не только погребениями типа найденных Талько-Грынцевичем в Ильмовой пади или Дэрестуйском Култуке на р. Джиде, но и с единственными в своем роде укрепленными поселениями-городищами вблизи устья реки Нижней Иволги. Изучение этих замечательных памятников двухтысячелетней давности поможет разрешить проблему возникновения первых кочевнических государств в Азии и будет содействовать выяснению взаимоотношений гуннского центра с его периферией, с соседними, более отсталыми племенами Забайкалья и Прибайкалья и более отдаленными областями.

Особо важное значение имеет, наконец, изучение раннетюркских, раннемонгольских и древнебурятских памятников, которое является наиболее отсталым разделом археологических исследований в Бурят-Монгольской АССР. Работы в этой области должны осветить древнейшие судьбы монгольских племен, о которых молчат письменные источники, возникновение самой монгольской империи и, что особенно важно, исторические судьбы бурят-монголов, не имевших до недавнего времени собственной письменности.

Простой случайностью, должно быть, следует объяснить тот факт, что на территории Бурят-Монгольской АССР, едва ли не единственной в этом отношении среди других республик в составе РСФСР, археологические работы заглохли и временно прекратились после окончания академической экспедиции 1928—1929 гг. и работ Г. П. Сергеева, осуществленных местным музеем в 1935—1936 гг.

Только летом 1947 г. начала свои полевые исследования организованная, согласо-

постановлению Совета министров БМАССР, Бурят-Монгольская археологическая экспедиция, в которой принял участие Институт истории материальной культуры АН СССР. Работы экспедиции за полевой сезон 1947 г. были развернуты в трех районах, изучение археологических памятников которых представляет сейчас наибольший интерес для выяснения ранней истории племен и народов, населявших в прошлом территорию республики и, в первую очередь, бурят-монгольского народа.

На первом этапе своей работы экспедиция выехала в Качугский район Иркутской области, издавна заселенный бурятами.

Этот район представляет большой интерес для изучения вопроса о происхождении и прошлом бурят-монгольского народа, как местопребывание эхирит-булагатов, предки которых упоминаются в древнейших письменных документах, относящихся

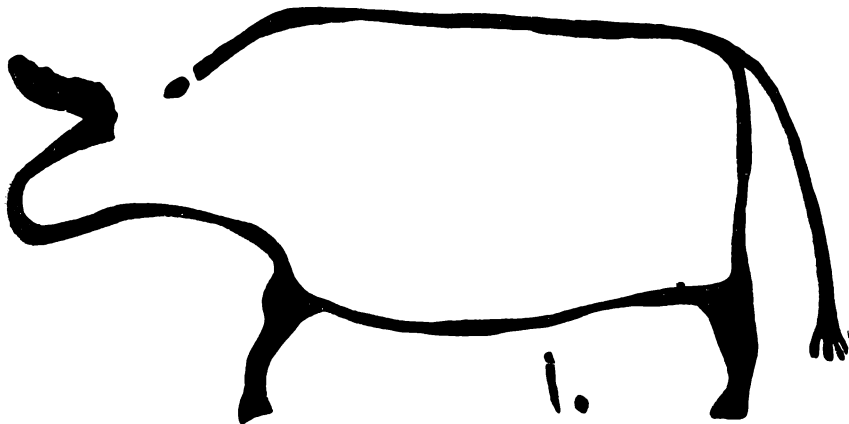

Рис. 1. Палеолитическое изображение быка. Шишкино.

к истории монголов. Здесь же находится такой исключительный по своей научной ценности археологический памятник, каким является писаная гора, вблизи деревни Шишкино, в 18 км ниже Качуга, с которой связаны предания и мифы, касающиеся прошлого ленских бурят-монголов и якутов-сахаларов.

Наскальные изображения шишкинской «шаманки», т. е. священной горы ленских бурят, пользовавшейся в недавнем прошлом глубоким почитанием всех шаманистов, стали известны в науке еще около двухсот лет назад, когда историк академик Г. Ф. Миллер видел широко известные в то время наскальные рисунки «между Качегой и Верхоленском». Снова они были открыты автором настоящего отчета в 1929 г.

Эти изображения и явились предметом специального тщательного изучения и фиксации в 1947 г. Как показало изучение шишкинских писаниц, они являются единственными в Северной Азии по своему обилию, разнообразию и культурно-исторической ценности. Высокие уступы шишкинских скал, протянувшиеся вдоль правого берега Лены более чем на 2 км, оказались своего рода огромной картинной галлереей, в которой сохранились сотни самых разнообразных по технике исполнения, по стилю и содержанию изображений различной давности. Среди них на первом месте следует отметить группу самых древних изображений. Еще в 1941 г. мной было открыто здесь огромное изображение дикой лошади, длиной 2,8 м. В 1947 г. при тщательном изучении всей площади скалистых обрывов шишкинской горы мне удалось обнаружить еще два рисунка такого же рода и стиля, изображающих жеребенка и вымершего дикого быка — бизона (рис. 1). Сюжеты этих изображений и их стилевые особенности ясно показывают, что рисунки выполнены рукой первобытного художника древнекаменного века, древнего палеолитического мастера, жившего, вероятно, около 10—15 тысяч лет назад. Они являются первыми и пока единственными в Северной Азии образцами палеолитических росписей и свидетельствуют, что, вопреки ложным расистским тео-

ряям, такое искусство существовало не только в Западной Европе, но и в глубине азиатского материка.

На шишкинских скалах имеются прекрасные образцы зрелого реалистического мастерства художников последующего, неолитического времени. Оно представлено

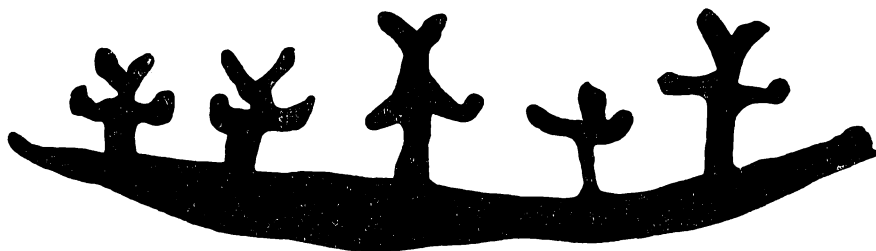

Рис. 2. Изображения лодок. Шишкино.

большими, часто приближающимися к натуральному размеру, фигурами животных, сохранившихся до наших дней лесных обитателей—лосьей. Неолитические писаницы удивительно жизненно и верно передают облик этих могучих животных, охота на которых была главным источником существования неолитических охотников.

К следующей культурно-исторической эпохе, к бронзовому и раннему железному веку, относятся новые и чрезвычайно своеобразные наскальные изображения, выполненные темномалиновой, пурпурной краской. На них изображены совершенно новые

Рис. 3. Курыканская писаница. Изображение всадников. Шишкино.

сюжеты, несравненно более сложные и богатые, чем прежде. Такова целая процессия лодок, плывущих одна за другой (рис. 2). В каждой из них видны люди, стоящие с молитвенно воздетыми к небу руками. Эта процессия сильно напоминает аналогичные наскальные изображения Западной Европы, имеющие связь с культом мертвых и солнечного божества, широко развитым в древности в странах классического Востока, в особенности в Египте, где солнечная ладья и ладья мертвых были непременным атрибутом культа умирающего и воскресающего божества растительности Озириса.

Сюда же, в круг новых религиозных идей и образов нового мировоззрения, выросшего на почве социальных отношений отповского рода и патриархально-родовых

отношений, входит уникальное изображение космического чудовища-дракона, глотающего солнечный диск.

Не меньшую научную ценность представляют чрезвычайно многочисленные рисунки первого и начала второго тысячелетий нашей эры, имеющие прямое отношение

Рис. 4. Курыканская писаница. Шишкино.

к предкам якутов и сменившим их на Лене бурят-монголам. Это преимущественно любовно вычерченные фигуры лошадей, воинов-витязей, военные и охотничьи сцены. Характерные стилизованные особенности таких рисунков отражают связи древних жителей Средней Лены в средневековое время с передовыми культурными странами Востока,

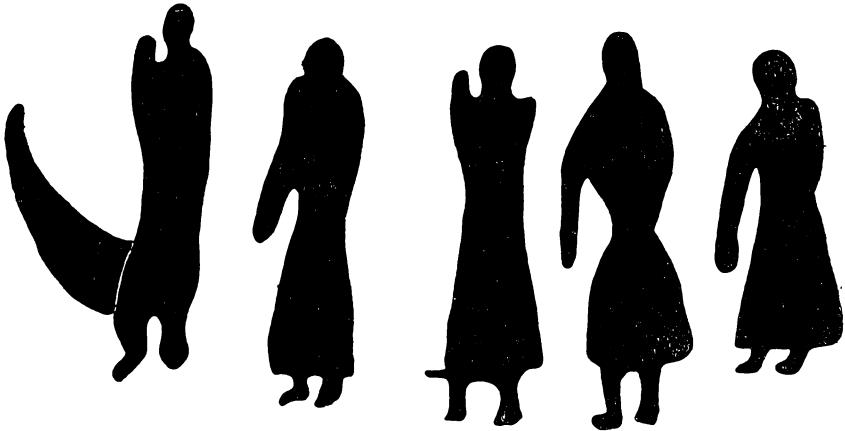

Рис. 5. Курыканская писаница. Изображение пеших людей. Шишкино.

с сасанидским Ираном, с Китаем вэйского и танского времени, а также с еще более отдаленной Византией, осуществлявшиеся при посредстве различных соседних тюркских народностей, в частности, еписейских кыргызов (рис. 3, 4, 5, 6).

На многих рисунках изображены сцены перекочевок каких-то скотоводов на запряженных волами кибитках особого рода. Такими, очевидно, и были кибитки древних монголов, описываемые в источниках XIII—XV вв., а также в «Сокровенном сказа-

нии». Здесь, повидимому, отражен момент появления на Лене кочевников, предков современных бурят-монголов.

Как известно, именно писанные шишкинские скалы являлись одним из важнейших культовых центров бурятских племен. Здесь, по воззрениям шаманистов, пребывал грозный Хара-Ажирай, властитель реки Лены. В культе Хара-Ажирая слышны удивительные по яркости отзвуки былых столкновений якутов и бурят на Лене, о которых сообщают предания.

Закончив свои работы в Шишкино, основной целью которых была подготовка специальной монографии к юбилею республики, экспедиция выехала в Улан-Удэ, а затем вверх по Селенге.

В долине Селенги работы были начаты посещением Кяхтинского краеведческого музея, являющегося подлинной гордостью республики во всех отношениях, в том числе и по своему драгоценному собранию археологических находок, содержащих

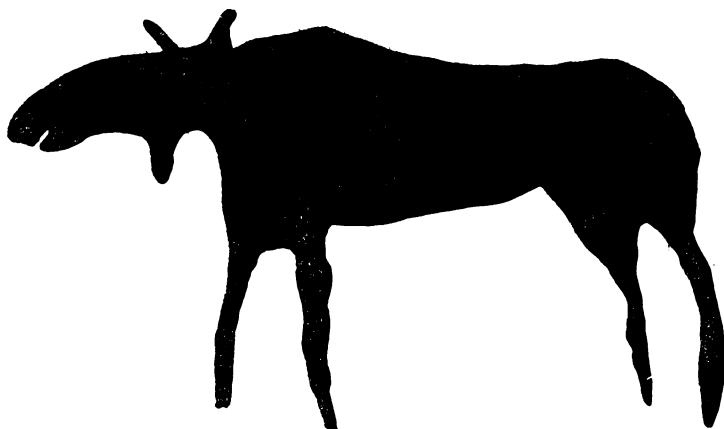

Рис. 6. Курыканская писаница. Изображение лося. Шишкино.

в образцовом порядке. Здесь, помимо тщательного ознакомления с коллекциями музея, была изучена любопытная древняя стела скифо-сибирского стиля, покрытая орнаментализованными фигурами оленей и впоследствии дополненная изображением человеческого лица, т. е. переформленная уже в виде «каменной бабы».

Работами экспедиции зарегистрирован ряд новых интересных пунктов, где распространены каменные орудия древнейшего человека палеолитического времени. Едва ли не самыми интересными из них по характеру залегания культурных остатков оказались поселения вблизи современного поселка Усть-Кяхта, давно уже известного в литературе обилием археологических памятников. Палеолитические культурные остатки залегали здесь в лессовидных толщах второй надпойменной террасы, в ненарушенном залегании, а не на выдувах, как на всех других палеолитических поселениях Забайкалья. Вместе с каменными орудиями палеолитического типа здесь оказались также и кости животных, тогда как прежде бесспорной связи каменных палеолитических предметов с фаунистическими остатками установить не удавалось, по той причине, что находки происходили с выдувов, а не из слоев.

Среди обычных следов поселений на выдувах особенный интерес представляют находки вблизи ст. Нянгы, где на обширной площади выдувов оказалось почти целиком обнаженным от покрывавшей его рыхлой почвы большое позднепалеолитическое поселение с характерным каменным инвентарем из черного кремнистого сланца, выразительно характеризующим технику изготовления и типы каменных орудий этого времени. Среди многочисленных каменных изделий в Нянгы оказались, например, превосходные нуклеусы мустьерского типа-диски, такие же «мустьероидные» скребла и замечательный остроконечник. По яркости этот материал не уступает находкам на классической для позднего палеолита стоянке у Красноярска—Афонтовой Горе.

К следующему культурно-историческому периоду относятся находки в ряде пунктов по Селенге. Как выяснилось, неолитические памятники на Селенге являются значительно более редкими и менее многочисленными, чем поселения предшествующей эпохи. Это, возможно, объясняется особыми условиями их залегания. В то время как палеолитические стоянки размещены на древних высоких террасах, сложенных супесью и легко развеваемых ветром, неолитические люди селились на более низких надпойменных террасах, сложенных плотными отложениями, не столь легко поддающимися действию ветра. Тем не менее в долине Селенги обнаружено несколько новых неолитических стоянок со своеобразной керамикой. Последняя показывает, как и находки на давно уже известной Березовской стоянке, что, вопреки старым нашим представлениям, уже нельзя более говорить о полной идентичности забайкальского неолита прибайкальскому, хотя между ними и существует несомненная общая связь.

Исключительный интерес представляют найденные на ряде выдувов остатки керамики совершенно особого рода—фрагменты глиняных сосудов с тремя ножками-подставками. Для них характерна и своеобразная орнаментация, которую по первым находкам в местности Хара-Бусун следует назвать харабусунской. Сосуды такого типа являются специфической особенностью древнейших культур Китая, южной Монголии и южной Манчжурии, где они появляются уже в древнейших памятниках местного неолита и существуют до конца чжоуского времени, сменяясь впоследствии такими же триподами, но только лишь культовыми и не из глины, а из бронзы (типов ли и дин). Некоторые из подобных находок на территории Бурятии отличаются весьма архаическими чертами, сближающими их с наиболее древними подобными сосудами Дальнего Востока—вплоть до древнейшей керамики из неолитических поселений типа Яншао. Остальные же могут относиться и к бронзовому веку, свидетельствуя о каких-то культурных связях с Дальним Востоком и для данного времени, что вполне естественно, если учесть географическое положение Селенгинского края—по дороге к Китаю и Монголии, а также и последующие исторические события, в ходе которых население Забайкалья постоянно находилось в тех или иных взаимоотношениях с Китаем.

Эпохе бронзы принадлежат едва ли не самые многочисленные на территории Селенгинского края погребальные памятники в виде так называемых «плиточных могил», т. е. своеобразных каменных ящиков, обычно прямоугольной формы, из каменных плит, поставленных на ребро, а также давно известные в литературе, но очень плохо еще изученные археологами «оленные камни».

К сожалению, нет, по-видимому, ни одной плиточной могилы неразграбленной. Грабители обыкновенно не ограничивались тем, что извлекали весь погребальный инвентарь, они выбрасывали кости покойника, забрасывая снова пустую внутренность могилы камнями и землей. Тем важнее находка в одной из плиточных могил целого черепа захороненного в ней человека. Эта находка позволит гораздо увереннее, чем прежде, судить о физическом типе и антропологической принадлежности населения Забайкалья в эпоху бронзы, о том, каковы именно были эти загадочные «динлины» китайских летописей чжоуского времени. Как установил Г. Ф. Дебец, это был не «европеоид», а типичный представитель монгольского типа.

Не менее интересны и случайно уцелевшие в некоторых разграбленных в древности могилах изделия, в том числе наконечники стрел и впервые найденные здесь остатки самого лука. Это был лук сложного типа, наиболее близкий по своей конструкции к короткому «сигмовидному» луку скифов Причерноморья, о котором сообщают античные авторы.

Около одной наиболее обширной плиточной могилы оказалась чрезвычайно интересная каменная стела «эмбриональной формы», представляющая не обычную плиту, сплошь покрытую художественно выполненными фигурами оленей, а простой камень, на вершине которого по обеим сторонам высечены небольшие круги, несомненно, изображающие глаза «вишапа», т. е. чудовища, данного здесь в наиболее примитивном виде. Возможно, что эта стела является древнейшей из всех остальных известных в настоящее время археологам.

Памятники железного века, обследованные в долине Селенги, кроме многочисленных дюнных находок и замечательного гуннского городища на Н. Иволге, где была вновь обнаружена одна из характерных для него землянок, огороженных каменными плитами, представлены главным образом могилами двух типов. К первому типу относятся большие каменные курганы с круглой или четырехугольной оградкой из вкопанных в землю больших камней. Такие курганы обыкновенно сопровождаются кольцами из небольших камней. Раскопка одного каменного кургана показала, что он был целиком разграблен в древности; между камнями, однако, уцелела одна железная пластинка от лат обычного азиатского типа. Ко второму типу принадлежат

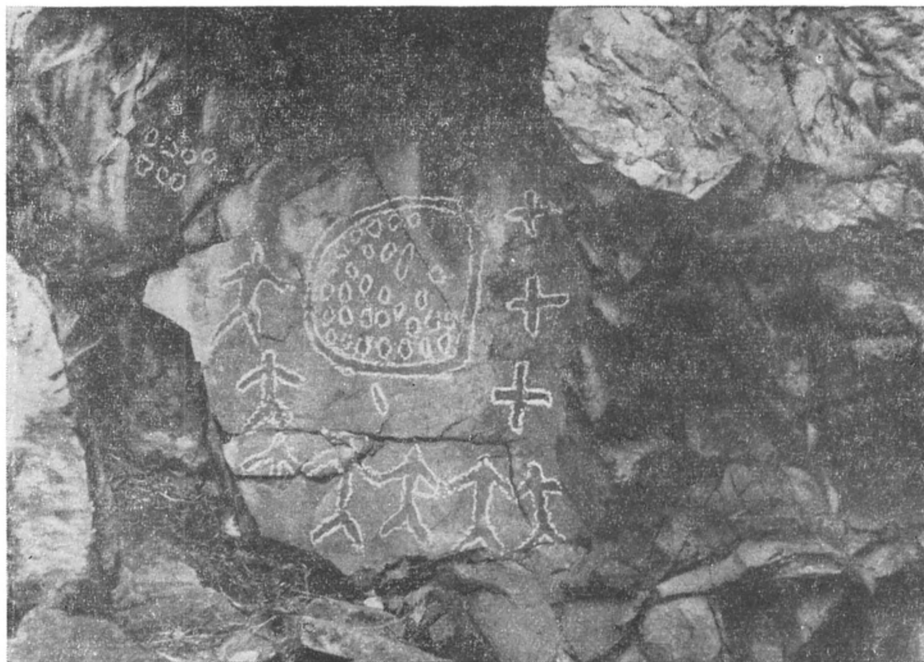

Рис. 7. Наскальный рисунок на Селенге. Изображение магического круга.

могилы поздних кочевников с овальной насыпью из небольших камней. Такие могилы очень бедны находками. В некоторых из них найдены все же весьма интересные предметы (в том числе один глиняный сосуд), полнее освещающие быт кочевнических племен. Грабители не трогали эти бедные вещами могилы, и в них полностью сохранились костяки людей, имеющие большое значение для антропологических исследований.

Последняя группа археологических памятников на Селенге, обнаруженных работами 1947 г., — наскальные изображения. Вопреки обычным представлениям, долина Селенги дала неожиданно много таких изображений. Все они выполнены красной минеральной краской — охрой и имеют много общего в стилистической манере и в содержании. На скалах изображены обыкновенно характерно стилизованные человеческие фигурки и реже изображения животных. Очень часто повторяется одна и та же сложная композиция, изображающая магический круг, охраняемый человечками, в которых следует видеть духов-охранителей рода (рис. 7). Имеются также изображения рогатых антропоморфных фигур, должно быть, шаманов (рис. 8).

Для определения возраста этих изображений важно, что они часто совпадают с местонахождениями плиточных могил, а на одном из таких рисунков уцелел фрагмент изображения чаши, напоминающий по форме скифский котел. К этому времени, вероятно, относится значительная часть наскальных изображений, но есть, несомненно, и более ранние и более поздние рисунки.

Кроме работ на Селенге и Лене, особым отрядом экспедиции, были осуществлены археологические исследования также в районе Алари и Балаганска. Основное внимание отряда было уделено поискам и копированию замечательных наскальных рисунков на горе Хашкай около с. Нукуты, известных еще с конца XIX ст., но до сих пор не описанных и не изданных. Писаницы эти обнаруживают черты особого стиля и могут быть разделены на две хронологические группы. Аларским отрядом также велись поиски старинных бурятских погребений, в результате которых выяснилось совершенно неожиданное обстоятельство, что буряты в старину хоронили мертвых в каменных могилах, чрезвычайно похожих на ящики плиточных могил. Одновременно были обследованы также древние городища, которыми богат этот район. Как показывает найденная там керамика, городища в массе датируются курумчинским временем, т. е. относятся к I тысячелетию нашей эры и, может быть, к самому началу II тысячелетия, до проникновения на Ангару и Лену кочевников монгольского происхождения из Забайкалья. Это были укрепленные поселения племени курыканов или, по данным китайских летописей, гулиганей.

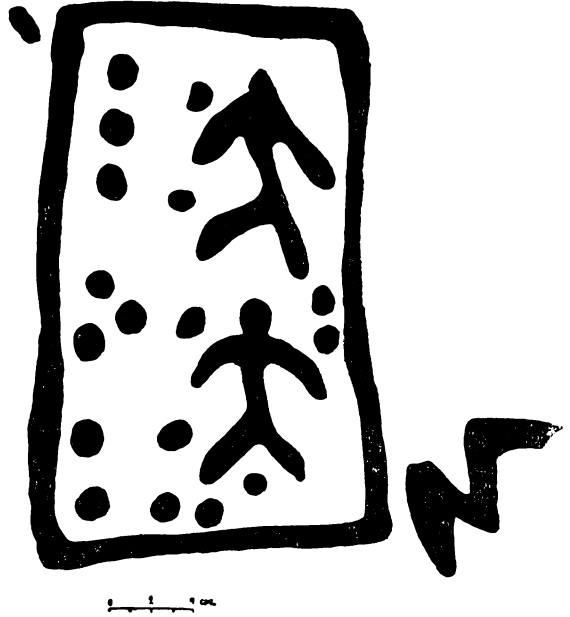

Рис. 8. Рисунок на скале. Долина Селенги.

Работы Бурят-Монгольской археологической экспедиции, развернутые в трех наиболее интересных районах, дали, таким образом, новый обширный и разнообразный материал по ранней истории республики.

Вместе с тем они показывают, что известное отставание, имевшееся в области археологического изучения территории БМАССР и соседних с ней районов, начинает преодолеваться. Работы экспедиции в 1949 и 1950 гг. должны быть только началом систематической и постоянной работы по археологии БМАССР. На очереди—археологическое обследование новых, еще совершенно не изученных в археологическом отношении районов республики, в том числе северных. Необходимы также аналогичные работы в бассейне р. Онона и в Тунке, столь важные для изучения ранней истории монгольских племен и народов вообще.

А. П. Окладников

Статуэтка «Медведицы» с о. Березани

В Археологическом музее г. Одессы среди находок с о. Березани находится весьма своеобразная терракотовая статуэтка с телом женщины и головой зверя (инв. III, оп. № 1). По сведениям, сообщенным М. Ф. Болтенко, статуэтка была найдена на о. Березани в 1904—1908 гг. А. Штерном. Никаких других данных о ней не имеется.

Статуэтка имеет небольшие размеры (около 6 см), сделана из тонкой, хорошо промытой, желтовато-коричневой с золотистыми блестками, повидимому, ионийской глины. Сохранность статуэтки в общем очень хорошая¹ (рис. 1).

¹ Имеется большой сбой на левом колене и несколько трещин.